

О назначеніи и значеніи „Исслѣдованій Апокалипсиса“.

Въ предлагаемомъ здѣсь сочиненіи изслѣдована съ подробною обстоятельностью только часть священной пророчесвенной книги Новаго Завѣта—именно та ея большая часть, къ выясненію которой служить уже самая исторія.

Объ Апокалипсисѣ случается слышать у насъ разнорѣчивые толки самыхъ православныхъ и благонамѣренныхъ людей. Люди благочестивые, по большей части, почитаютъ гордостію всякое желаніе и попытку исполнить, по отношенію къ этой св. книгѣ, слово Христово: *испытайте Писанія*—«исслѣдуйте Писанія» (Іоан. 5, 39). Люди съ пытливою мыслію находятъ апокалипсическіе образы странными до того, что смущаются или колеблются даже въ благоговѣніи къ самой св. книгѣ. Отъ напраснаго укора первыхъ да защититъ наши «Исслѣдованія Апокалипсиса» приведенное выше Христово слово о долгѣ изслѣдовать св. Писанія; а другимъ нашъ трудъ да послужитъ къ ихъ утвержденію въ достойномъ благоговѣніи къ Божественному вѣдѣнію и премудрости, содержащимся въ Боговдохновенной книгѣ.

Раскольники перетолковываютъ по своему Апокалипсисъ; римскіе католики и протестанты усиливаются найти въ немъ оправданіе своихъ лживыхъ односторонностей; лжемистики ищутъ въ таинственныхъ Апокалипсическихъ видѣніяхъ пищу и опору своему мечтательному направленію. Съ другой стороны, міръ мудрствуетъ и хлопочетъ о преуспѣяніи, о всевозможныхъ улучшенияхъ совѣмъ почти безъ мысли о Божіихъ судьбахъ. Очевидна настоящая потребность въ православномъ, правосмысленномъ разслѣдованіи св. книги о совершающихся въ мірѣ Божіихъ судьбахъ. Если бы наши

«Исслѣдованія Апокалипсиса» дали благочестію или любопытательности читателя примѣтить въ нихъ хоть только «мерцанія свѣта» истины Божіей ¹⁾, озаряющей судьбы православной Христовой Церкви и всего міра, то и это было бы уже великою благодатію и милостію Божіей. Въдѣ полный свѣтъ славы Божіей, исполняющей всю землю по силѣ Боговочеловѣченія Христова, созерцаютъ только *Серафимы* (Исаі. 6, 2. 3; см. Іоан. 12, 41). Наше изученіе св. книги направлено, по апостольскому слову о всякомъ Боговдохновенномъ Писаніи, собственно къ ученію о правотѣ православія, къ обличенію лживости неправомыслия и исправленію заблуждающихъ, къ наказанію или наставленію всякаго въ правдѣ, да совершень будетъ Божій человекъ, на всякое дѣло благое уготованъ (2 Тим. 3, 16. 17).

Читатель въ предлагаемыхъ нами «Исслѣдованіяхъ Апокалипсиса» увидитъ, что Православіе или Церковное правосмысліе, объемлющее чистую отъ ложныхъ или одностороннихъ человѣческихъ примышленій истину Христову, есть именно *духъ и жизнь* (какъ сказалъ Христосъ въ своемъ словѣ (Іоан. 6, 63), дѣйствующіе во всѣхъ судьбахъ Христовой Церкви и міра, по соотношенію его съ Церковію:—духъ и жизнь, составляющіе въ своемъ существѣ и основаніи благодать Бога Вседержителя, сосредоточенные во вземлющемъ грѣхи міра Агнцѣ и Сынѣ Божіемъ Христѣ и въ Немъ вліяющіе на всю землю силою Св. Духа чрезъ седьмочисленные Его дарованія и тайнства, — раскрытыя въ св. книгахъ Новаго Завѣта для непрестающаго благодатнаго дѣйствія въ духѣ церковномъ путемъ живаго преданія, при служеніи священства ²⁾: духъ и жизнь, низложившіе сначала первыхъ враговъ христіанства—мертвое іудейство и растлѣнное язычество, но спасшіе избранный остатокъ изъ іудеевъ и увѣнчавшіе неисчислимое множество побѣдоносныхъ мучениковъ изъ всякаго народа ³⁾;—духъ и жизнь, воздвигшіе потомъ

1) Долгомъ считаемъ объяснить, что выраженіе *мерцаніе свѣта истины Божіей* употреблено здѣсь по достойному уваженію къ отзыву Высокопреосвященнаго Митрополита Московскаго Филарета еще о начаткахъ этого труда: „мерцаніе свѣта видншь“.—сказалъ онъ тогда автору.

2) См. перв. отд. исслѣдов.

3) См. перв. и втор. отд. исслѣд.

противъ ересей вселенскихъ пророковъ Христовой истины въ церковной іерархіи и вмѣстѣ въ государственной власти и давшіе имъ достигнуть того, что самое *царство міра* стало *царствомъ Господа нашего и Христа Его*, и скрижали Новаго Завета раскрылись въ строгой опредѣленности существенныхъ догматовъ и правилъ вѣры православной ¹⁾);—духъ и жизнь, которые хотя попустили, за раскрытіемъ въ мірѣ славы и величія Христовой церкви, открыться на Западѣ христіанскомъ сатанински-горделивому духу папства, вызвавшему въ послѣдствіи протестующую звѣрообразную гордыню и языческое обоготвореніе отступившаго отъ Христа и ничему не вѣрующаго, кромѣ себя, разума и такого же образованія. но нашли свое для Церкви востока мѣсто въ пустынѣ магометанскаго порабоженія, поглотившей страшный наплывъ сюда пализма, и приготовили къ изложению язычества, духовно возродившагося и въ христіанскомъ мірѣ, твердое Христово орудіе—православныя, славяно-русскія племена и пр., и пр. ²⁾). Изъ всего этого открывается съ торжественною наглядностію не только истинность и непобѣдимость православной вѣры и церкви, но и то, что всему вѣковѣчному существу православія противно какъ *духовно-языческое* направленіе. построивающее дѣло мысли и жизни, хотя бы и мірской или гражданской, помимо Христа на какихъ бы ни было началахъ,—такъ и *духовно-иудейское*, превращающее самый духъ и жизнь православія болѣе или менѣе въ мертвую и убивающую форму или букву.

Какъ тайны Апокалипсиса разрѣшаются нами въ точный смыслъ, оправданный всею исторіею Христовой Церкви и міра, въ его соотношеніи съ Церковію,—это усмотритъ читатель съ обстоятельностью и даже подробностію изъ самыхъ «Исслѣдованій». Мы здѣсь предварительно укажемъ только общій ключъ къ разрѣшенію апокалипсическихъ тайнъ и общій духъ и сущность нашихъ «Исслѣдованій» ³⁾.

1) См. третье отд. изслѣд.

2) См. пятое отд. и заключ. изслѣд.

3) Да мы и стоимъ собственно за самую сущность и общій образъ и духъ нашего изъясненія, не имѣя гордой и неразумной претензіи на удовлетворительность всѣхъ частныхъ, на исчерпаніе всей глубины Апокалипсиса.

Самое существенное въ Апокалипсисѣ изображено и само по себѣ съ достаточною ясностію. Это есть раскрытіе для міра въ Единородномъ Сынѣ Божіемъ Господѣ Иисусѣ любви Отца Небеснаго, изливающейся Святымъ Духомъ въ самыя сердца вѣрующихъ, которая и располагаетъ вседержавно судьбами церкви и міра нравственнаго и физическаго, при служеніи и славословіи св. Ангеловъ, или вообще небожителей, и при тщательномъ противоборствѣ злыхъ духовныхъ силъ. Неясны въ Апокалипсисѣ почти только образы и предметы, взятые изъ Ветхаго Завѣта и изъ видимой природы.

Для выясненія значенія Апокалипсическихъ предметовъ, взятыхъ изъ видимой природы, надо намъ, очевидно, стать на духовную, свойственную св. Тайнозрителю, точку зрѣнія въ отношеніи къ видимой природѣ. Надобно видѣть въ предметахъ и принадлежностяхъ видимой природы осуществленіе Божественныхъ мыслей и воли, составляющихъ основаніе и для духовно-нравственной жизни людей; и потому должно признавать разрѣшеніе существеннаго смысла видимой природы именно въ нравственномъ мірѣ и обратно—отраженіе движеній и состояній нравственнаго міра въ явленіяхъ видимой природы ¹⁾. Если будете смотрѣть на видимую природу съ этой точки зрѣнія, то для васъ и будетъ понятно, какъ въ Апокалипсисѣ *море* указываетъ на подвижность и волненія жизни людской, *земля*—на твердость или устойчивость нашихъ земныхъ порядковъ, *свѣтила*—на область просвѣщенія, *воздухъ*—на движенія общественнаго духа, *огонь*—на поядающую стихію мірской жизни, какова особенно война, *рѣчная и источниковая вода*—на все освѣжающее и ободряющее умственно и нравственно, *звѣри*—на звѣрообразные нравы, воззрѣнія и направленія, *саранча*, не имѣющая изъ своей среды царя или матки, но движущаяся съ строго-воинскою стройностію и истребительная для природы, указываетъ на своенравный и губительный военный деспотизмъ и т. д. Ветхозавѣтные же образы и предметы, употребляемые въ Апокалипсисѣ для обозначенія новозавѣтныхъ судьбъ Церкви и міра, или объяснены по своему значенію въ Ветхомъ же Завѣтѣ, или удобно изъясняются изъ духа

¹⁾ Въ книгѣ „Пѣснь пѣсней“ можно это видѣть съ особенною ясностію и непререкаемостію, особенно для православныхъ.

Новаго Завѣта, который раскрылъ въ себѣ всю силу Ветхаго Завѣта. И вотъ на такихъ общихъ и главныхъ началахъ толкованія разъясняется, открытый въ Апокалипсисѣ и до нашей современности уже оправданный самыми событіями, — весь ходъ судьбы міра и церкви въ ихъ взаимномъ отношеніи. Будемъ же слѣдить это по самому порядку Апокалипсическихъ видѣній.

Видѣнія Апокалипсическія начинаются явленіемъ св. Іоанну самого Господа, сообщившаго ему частныя откровенія о седми малоазійскихъ церквахъ (I, II, III). Въ этихъ откровеніяхъ Ангеламъ или пастырямъ церквей вмѣняются и добродѣтели, и недостатки паствы ихъ, чѣмъ съ силою внушается церковному пастырству благодатное челоуѣколюбивое направленіе—утѣшаться добромъ своихъ пасомыхъ, какъ своею дорогою собственностію, и соболѣзновать обо всемъ худомъ въ нихъ, какъ о собственной же виновности и бѣдѣ. Достойное вступленіе или предначатіе видѣній любвеобильнаго Тайнозрителя!

Затѣмъ, во первыхъ, раскрываются, съ одной стороны, духъ и благодатныя принадлежности апостольской церкви, долженствующіе навсегда въ ней оставаться (IV, V) ¹⁾, а съ другой—казни надъ отвергшимъ Христову благодать іудействомъ, видѣнныя и изображаемыя въ чертахъ Христова властительнаго предреченія о разрушеніи Іерусалима и о губительствахъ надъ іудеями (VI) ²⁾. Событія показали совершеніе этого суда надъ іудеями, чрезъ римлянъ въ первомъ вѣкѣ по Р. Х. Эти событія и слѣдовали одно за другимъ въ томъ самомъ порядкѣ, какой назначенъ въ Апокалипсисѣ: *побѣдоносная война римлянъ противъ іудеевъ (VI, 1 и 2), внутреннія смятенія и междоусобныя кровопролитія у іудеевъ (3 и 4), ограниченіе у нихъ способозъ въ необходимомъ для поддержанія жизни, сначала впрочемъ*

¹⁾ Что здѣсь изображается, дѣйствительно норма церкви, навсегда имѣющая сохранить свою силу, доказательствомъ этого служатъ повторенія образовъ, здѣсь означенныхъ,—и въ дальнѣйшихъ видѣніяхъ.

²⁾ Доказательствомъ того, что видѣніе этой VI гл. относится къ суду надъ іудействомъ, служить именно сходство, въ характеристическихъ чертахъ, между этимъ видѣніемъ и означеннымъ Христовымъ предреченіемъ о казняхъ надъ іудеями. Нѣкоторыя слова Христовы даже буквально здѣсь повторены (Апок. VI, 16. См. Лук. XXIII, 30).

довольно умѣренное (5 и 6), а потомъ *адскіе ужасы смертей* отъ меча, голода и проч. (7 и 8). Апокалипсескъ притомъ прямо объясняетъ, что и *страшный судъ съ кончиною міра*, предсказанный Спасителемъ, какъ *известно изъ Евангелія*, въ неразрывной связи съ казнями надъ іудеями и съ разрушеніемъ святаго ихъ града и храма (Матѣ. XXIV; Марк. XIII; Лук. XXI гл.), отлагается только до окончательнаго дополненія числа спасаемыхъ (9—11, VI Апок.), однакожь съ *разительною силою предъявляется* ¹⁾ и въ настоящемъ грозномъ отверженіи народа, избраннаго быть сокровищницею и наслѣдникомъ всемірнаго спасенія (12—17).

Во вторыхъ, въ Апокалиписѣ представляются и притомъ съ наглядно яснымъ и прямымъ обозначеніемъ—съ одной стороны—*остатокъ вѣрующихъ изъ двѣнадцати колѣнъ Израилевыхъ* въ опредѣленномъ числѣ ²⁾ и потомъ *неисчислимое множество побѣдоносныхъ страдальцевъ Христовыхъ*, съ пальмовыми вѣтвями, *изъ всякаго народа* (VII), а съ другой (VIII и IX)—исправительныя казни надъ враждебными *идолопоклонниками* (IX, 20. 21) ³⁾, послѣдовательно совершающіяся подъ Ангельскими распоряженіями, вызванными чрезъ молитвы святыхъ (VII, 1—6). Эти казни открываются ⁴⁾ и надъ землею гражданскаго устройства (VIII, 7), и надъ моремъ движеній общественной жизни (8—9), далѣе въ отравленіи горечью даже *рѣчныхъ и источниковыхъ водъ*—

¹⁾ Все означенное въ курсивныхъ выраженіяхъ можно каждому самому видѣть или понять въ цитованныхъ мѣстахъ, слѣдуетъ только внимательно прочесть ихъ въ Апокалиписѣ.

²⁾ Что въ VII главѣ подъ опредѣленнымъ числомъ *запечатлѣнныхъ отъ всякаго колѣна израильскаго* разумѣются не вообще вѣрующіе, а именно вѣрующіе изъ іудеевъ, это ясно изъ прямого далѣе указанія на безчисленное множество вѣрующихъ *вообще* отъ всякаго народа (ст. 4 слч. 9).

³⁾ Что *идолопоклонниковъ*, здѣсь упомянутыхъ, надо понимать въ буквальномъ смыслѣ, а не въ переносномъ—о поклонникахъ порочныхъ страстей, это ясно изъ прямого указанія на послѣднихъ въ этомъ же мѣстѣ (IX, 21. слч. 20).

⁴⁾ Само собою разумѣется, что читателю здѣсь и далѣе при чтеніи этой статьи не мѣшаетъ имѣть предъ собою самую книгу Апокалиписса и слѣдить его содержаніе по дѣлаемымъ нами цитатамъ. Вѣдь здѣсь предлагается не подробное истолкованіе Апокалиписса, а только лишь общее его содержаніе: всего изъ этого содержанія обозначать здѣсь вѣтъ ни удобства, ни нужды.

всего того, что должно было бы служить къ освѣженію жизни и ободренію духа (10. 11), въ упадкѣ и самаго просвѣщенія въ этомъ Апокалипсическомъ затмѣніи *третьей части свѣта въ свѣтилахъ* (12), потомъ чрезъ вооруженную, язвляющую людей *саранчу* военнаго мучительнаго своенравія (IX, 1—12), наконецъ, чрезъ губительство страшно смертоносныхъ общественныхъ бѣдствій, составляющихъ, какъ бы несмѣтное конное войско, смертоносное для цѣлой трети всего языческаго народонаселенія (13—21). Зрѣлищемъ такихъ судебъ, и въ этомъ самомъ ихъ порядкѣ, событія явили именно Греко-Римскую языческую Имперію, гнавшую христіанъ въ продолженіи первыхъ трехъ вѣковъ, но за то разстроивавшуюся въ своихъ распорядкахъ и въ жизни общественной, отравляемую горечью общественнаго недовольства (выражавшагося особенно въ тогдашней литературѣ), упадавшую и въ просвѣщеніи, томимую военнымъ безпримѣрнымъ деспотизмомъ и въ концѣ этого періода подвергавшуюся страшнымъ заразамъ и голоду, междоусобнымъ и внѣшнимъ войнамъ, отъ которыхъ погибло, по гадательному соображенію Гиббона, до половины всего человѣческаго рода.—Весьма примѣчательно, что въ Апокалипсисѣ, изображающемъ такіа казни надъ враждебнымъ Церкви язычествомъ, обозначена нѣкоторая остановка этихъ казней, именно надъ *землею* порядковъ и *моремъ* жизни общественной, для удобства запечатлѣнія рабовъ Божіихъ Ангеломъ, идущимъ съ печатію Бога живаго отъ востока, т. е. вообще въ видахъ утвержденія и огражденія новонасажденнаго, распространявшагося отъ востока къ западу христіанства (VII, 1—3). Исторія дѣйствительно съ удивленіемъ отмѣчаетъ необыкновенное явленіе во второмъ вѣкѣ по Р. Х. цѣлаго ряда достойнѣйшихъ римскихъ императоровъ (отъ добродушнаго Нервы до мудраго Марка Аврелія), которые только личнымъ своимъ достоинствомъ успѣли остановить начавшееся еще до нихъ и съ силою продолжавшееся послѣ нихъ разложеніе имперіи. Апокалипсисъ объясняетъ тайну этого явленія тѣмъ, что общественное спокойствіе и благоустройство нужны были тогда ради *запечатлѣнія рабовъ Бога живаго*.

Судьбы древняго языческаго міра, гнавшаго церковь, заканчиваются, по Апокалипсису, явленіемъ могущественнаго Ангела Божія, въ *радугѣ* міра надъ головою и въ *облакахъ*

славы, твердо ставшаго на *земль* земныхъ порядковъ и *морь* общественной жизни, провозгласившаго *конецъ времени* прежнему ¹⁾ и *открывающаго новыя судьбы церкви и міра* (X). Смыслъ этого явленія событіями раскрытъ и оправданъ именно черезъ возведеніе гонимаго доселѣ христіанства въ мирное и господственное надъ міромъ значеніе при Константинѣ Великомъ, чѣмъ положенъ былъ предѣлъ для древняго міра и открылся новый, христіанскій міръ.

Потомъ, въ третьихъ, Апостоль-тайнозритель видитъ себя среди святаго града и приѣмлетъ трость для измѣренія въ немъ храма и въ храмѣ алтаря и самаго состава поклонниковъ, только внѣшній дворъ языковъ долженъ остаться безъ измѣренія (XI, 1—2). И дѣйствительно, гражданство, съ равноапостольнымъ Константиномъ предавшисъ христіанству, стало представлять въ себѣ уже *святый градъ*, и тогда же церковное устройство, богослуженіе и вся церковная организація начали опредѣляться вселенски-соборными, въ апостольскомъ духѣ поставляемыми, правилами; но въ христіанской имперіи оставались еще отчасти и язычники, которыхъ подчинять церковнымъ правиламъ не было возможности,—эта внѣшняя сторона благочинія христіанскаго, доступная съ христіанами и язычниками, должна была оставаться, очевидно, внѣ измѣренія тростію апостольскою. Между тѣмъ, выступаютъ на поприще дѣйствія два великіе свидѣтели Христовы, поражавшіе враговъ своихъ и небесными, и земными казнями, названныя *двумя насиминами и двумя свѣтильниками, стоящими предъ Богомъ земли* (3—6). А такими образами и названіями еще въ Ветхомъ Завѣтѣ (Зах. IV, 2—3) назnamenованы «царскій и священническій санъ, благоуукрашенный Божественною благодатію», по выраженію разъяснявшаго эти образы одного древняго учителя церкви (Феодорита Блаж. См. Твор. Св. Отцевъ 1857 г., кн. 3, стр. 99). Событія дѣйствительно показали, что начиная съ Константина, въ періодъ вселенскихъ соборовъ, и царская, и священническая власть,

¹⁾ Что въ словахъ: „времени уже не будетъ“—время разумѣется не въ безотносительномъ смыслѣ, а только развѣ по своему прежнему характеру, это ясно открывается изъ того, что въ послѣдующихъ апокалипсическихъ видѣніяхъ не видно никакой остановки въ теченіи времени.

истинно, какъ свидѣтели Христовы, служили къ раскрытію и утверженію Его истины, поражая въ то же время враговъ своего свидѣтельства, или еретиковъ какъ *небесными*—*духовными*, такъ и *земными*—гражданскими карами ¹⁾. Эти свидѣтели Христовы, по Апокалипсису, уже закончили свое свидѣтельство о Христѣ, какъ *звѣрь бездны*, открывшій на мѣсто святого града великій городъ своего Христоубійственнаго, содомскаго и египетски-насилъственнаго гражданства, сразился съ ними и поразилъ было ихъ на смерть; но это послужило только къ общенію этихъ свидѣтелей Христа въ Его тридневной смерти, воскресеніи и даже вознесеніи на небо (7—12). Такъ и было, что вселенское свидѣтельство о Христѣ уже заканчивалось, раскрывъ и утвердивъ на вселенскихъ соборахъ всѣ существенныя стороны ученія о Немъ, именно о Его единосущіи съ Отцемъ и Св. Духомъ по Божеству, о вочеловѣченіи лично Самого Бога Слова или о единствѣ Богочеловѣческаго Его лица, о сохранившемся въ Немъ, при этомъ единствѣ личности, различіи природъ Божеской и человѣческой съ ихъ противоположностями и слѣдовательно о сохраненіи лично въ Немъ всего человѣческаго въ непрѣмное спасеніе всего нашего человѣческаго отъ грѣха и гибели; но вотъ тогда явился этотъ *звѣрь бездны*—магометанство, успѣвшее было совсѣмъ обезсилить вселенскихъ свидѣтелей Христовыхъ, подчинивъ своему христовраждебному, сластолюбивому владычеству три патріархата церковные (Александрійскій, Антиохійскій и Іерусалимскій), а остальные два (Константинопольскій и Римскій) и всю Греко-Римскую имперію парализовавъ страхомъ. Но это духовное умираніе свидѣтелей Христовыхъ было только на очень короткое время, послѣ котораго православная іерархія и содѣйственная ей царская власть на новомъ вселенскомъ соборѣ (Трулльскомъ) не только возстали съ прежнею силою своего вселенскаго свидѣтельства, но и подлинно до небесъ возвысились съ

¹⁾ Строгий аскетическій духъ, особенно усилившійся въ церкви въ это время и бывшій могущественнымъ двигателемъ вѣры противъ ересей, также обозначенъ въ Апокалипсисѣ тѣмъ, что оба свидѣтеля Христовы видѣны облеченными во вретяще. Впрочемъ другихъ сторонъ въ значеніи этого образа мы здѣсь не касаемся по чрезвычайной сжатости очерка нашего.

этимъ свидѣтельствомъ своимъ, утвердивъ вѣчно живое и непреложное значеніе всѣхъ прежнихъ своихъ свидѣтельствъ о Христѣ—догматовъ и правилъ. И въ тотъ же часъ, по Апокалипсису, произошло великое землетрясеніе, потрясшее область еще нѣкотораго особеннаго гражданства ¹⁾ съ гибелью для многихъ, вслѣдствіе чего остальные здѣсь подъ вліяніемъ страха признали величіе Бога небснаго (13). Около самаго этого времени, дѣйствительно, такъ и было именно въ западной Европѣ, что вслѣдствіе кровавыхъ потрясеній вновь возникавшей Франко-германской державы совершилось безъ большаго труда, но именно подъ вліяніемъ гражданскихъ угрозъ, даже казней, вообще—*страха* обращеніе въ ней къ истинному Богу: Христу многихъ германскихъ племенъ, дотолѣ упорствовавшихъ въ своемъ язычествѣ. Такъ-то довершилась та славная побѣда христіанства надъ язычествомъ (14. 15. Слч. X, 7), что, по возвѣщенію небесными голосами, «царства (*basileia*) міра стали Царствомъ Господа нашего и Христа Его». Оказалась - было, также провозглашенная таинственными голосами, свирѣпость языческая противъ православія, возродившися (какъ событія показали) въ гоненіи иконоборцевъ, но гнѣвъ Божій постигъ гонителей, и въ отверзтомъ храмѣ небесномъ явился ковчегъ завѣта, ковчегъ Христовой истины, раскрытой и утвержденной въ своей небесной силѣ на вѣки (16—19). Вотъ и весь періодъ вселенскихъ соборовъ!

Въ - четвертыхъ, когда такимъ образомъ церковь явилась во всемъ торжествѣ и славѣ своего православія, уподобляясь женѣ, облеченной въ солнце, и кромѣ того находилась въ болѣзняхъ рожденія новыхъ христіанъ, тогда открылось на небѣ церковномъ сатанинское направленіе къ равнобожеской чести, внушенное нѣкогда женѣ древнимъ зміемъ и изгнавшее первыхъ людей изъ рая ²⁾, низвергшее и теперь

¹⁾ Если выше *градъ святыи* (ст. 2) означаетъ, по событіямъ, гражданство, въ которомъ водворялась св. церковь, а *великий городъ—Содома и Египетъ, идѣже и Господь нашъ распятъ* (ст. 8), есть гражданство сластолюбиваго и Христовраждебнаго магометанства, то и просто *городъ*, здѣсь, въ 13 ст. упоминаемый, долженъ означать также особое гражданство. Событія показали, что это еще за гражданство. См. далѣе въ самомъ текстѣ этой статьи (т. е. предисловія).

²⁾ Образъ *жены* въ борьбѣ съ *зміемъ*, враждующимъ и противъ *стѣмни*

третью часть звѣздъ небесныхъ и, кромѣ того, усиливавшееся завладѣть чревоносимымъ церковію плодомъ (XII, 1—4). Дѣйствительно, вслѣдъ за періодомъ вселенскихъ соборовъ открылась ложь папскаго притязанія на равнобожеское церковное главенство,—ложь, которая не менѣе цѣлой трети христіанъ, имѣвшихъ жительство небесное въ Самомъ Христѣ и свѣтящихъ Его свѣтомъ, низринула, чрезъ земное главенство простого человѣка, съ благодатнаго неба на землю, усиливаясь завладѣть и новыми, возрождаемыми тогда въ христіанство, племенами, именно славяно-русскими. Но по Апокалипсису, жена—православная церковь успѣла родить въ жизнь благодатную, безопасно отъ этихъ усилий лжи, и притомъ родила сына *мужеска*, имѣющаго великое значеніе *пасти вся языки жезломъ желѣзнымъ*; и этотъ новорожденный во Христѣ былъ восхищенъ отъ прочаго міра къ Богу и престолу Его (5). Исторія оправдала это тѣмъ, что Славяно-русы, возродясь во Христа и возглавясь въ Немъ единомъ, какъ благодатные члены Его Самого, остались въ православіи и отдавшись небеснымъ его началамъ, уединились (отъ прочаго міра) въ благодатной Его области; и Господь уже многообразно проявилъ въ нихъ мужественную твердость въ Своей истинѣ—въ православіи и чрезъ нихъ Свою благодать—пасти языки жезломъ желѣзнымъ. Между тѣмъ сатанинское направленіе и притязаніе на равнобожеское главенство стало преслѣдовать жену—православную церковь, при брани между духовными поборниками той и другой стороны—лжи сатанинской и небесной благодатной истины, клеветническаго самовозношенія и Агнчаго самопожертвованія; но поборники лжи были, наконецъ, низринуты съ неба церковнаго на тяжкое горе для живущихъ на землѣ и на морѣ, а женѣ открылось вѣрное убѣжище отъ губельной лжи въ пустынѣ (6—14). Событія показали, какъ православная церковь была преслѣдуема лживыми притязаніями папства, какъ начала и поборники этой лжи были прогнаны съ неба православія церковными обличеніями, производимыми *Ангелами* или пастырями церквей, при содѣй-

этой *жены*, очевидно, прямо отсылаетъ нашу мысль къ Едему, къ искушенію здѣсь *жены змѣемъ*, къ слову Господа, полагающему вражду между змѣемъ и женою, ея сѣмеемъ и его сѣменемъ.

ствій, конечно, и силъ безплотныхъ; какъ *земля* общественныхъ порядковъ и *море* жизни общественной подпали на западѣ жестокой тиранніи воспреобладавашаго надъ ними папства, а убѣжище отъ этого преобладанія для православнаго востока постепенно открывалось именно въ пустынь— въ средахъ магометанскаго опустошенія, принявшихъ на себя напоръ страшныхъ тогда папскихъ силъ и чрезъ то истощившихъ эти силы. Такъ произошло, что, по Акалипсису; *змѣй*, этотъ духъ равнобожескихъ притязаній, пустилъ изъ пасти своей вслѣдъ жены воду, какъ рѣку, чтобы увлечь жену рѣкою, но земля помогла женѣ, и разверзла земля уста свои и поглотила рѣку, которую пустилъ драконъ изъ пасти своей; и ему свою свирѣпость къ женѣ осталось обратиться только уже противъ остатка ея сѣмени въ собственномъ его владычествѣ (15—17). Исторія раскрыла это тѣмъ неудержимымъ движеніемъ крестовыхъ походовъ, которымъ наводненъ и чуть не увлеченъ былъ весь Востокъ, такъ что не только въ Святой Землѣ основалось Латинское царство, но нѣкоторое время паписты завладѣли было и самымъ престоломъ Константинопольскаго императора. Но земля міра магометанскаго поглотила все это наводненіе западныхъ идей и движеній народныхъ; и ложь папства свою свирѣпую вражду къ православнои церкви направила противъ остатка ея сѣмени на самомъ Западѣ (въ родѣ, напримѣръ, столь близкаго къ православію Гусса и др.).

Вотъ и періодъ появленія папства и раздѣленія между востокомъ православнымъ и западомъ латинскимъ, обозначенный въ Апокалипсисѣ! То самое, что папство, насколько оно есть ложь, взято Откровеніемъ въ самомъ духѣ и корнѣ своей лжи — *змѣй древнѣмъ* или *сатанѣ*, и что остатокъ отъ сѣмени православной церкви указанъ въ самомъ одержаніи папства,—это убѣждаетъ нашу вѣру къ челоуѣколюбивой осторожности: обличая ложь папства, не надо намъ смѣшивать съ духомъ его лжи самихъ опутавшихся болѣе или менѣе въ ней людей, чтобы, въ противномъ случаѣ, и самимъ не потерпѣть прираженія къ себѣ духа папистическаго, а въ римскихъ католикахъ не осудить многого, составляющаго остатокъ православія и, слѣдовательно, принадлежность православной церкви. Равно, весьма знаменательно для насъ и то, что обращенныя ко Христу съ появле-

ніемъ уже папства Славяно-русскія племена Откровеніемъ представляются *сыномъ мужескимъ, иже имать унасти вся язyki жезломъ желѣзнымъ*, а это существенно принадлежить только Самому Христу. Этимъ мы, православные русскіе, предостерегаемся отъ всякаго духовнаго самовозношенія или отъ гордости своимъ славянствомъ и вмѣстѣ руководимся къ челоуѣколюбивой ревности—раскрывать вселенскій свѣтъ и силу православія для всѣхъ народовъ, держась во всемъ одинаго всецерковнаго Главы—Самого Христа Бога, при ходатайствѣ за насъ Матери Его—истинной и живой предстательницы церкви православной, соединяемой съ нею здѣсь, по отношенію къ рожденію сына мужеска—*Пастыря естъкъ языковъ*, очевидно, — въ одинъ образъ. Вообще же всѣмъ христіанамъ Откровеніе настоящаго отдѣла внушаетъ, что какъ скоро они еще не держатся одинаго заправляющаго своимъ духомъ начала или главы—Самого Христа Господа, то подпадаютъ духовно уже подъ начало лжи и зла, каковъ самъ сатана.

Далѣе, въ пятыхъ, Апостоль, — тайнозритель увидѣлъ себя стоящимъ на пескѣ морскомъ, и вотъ предъ нимъ выходятъ два звѣря, одинъ изъ моря общественной жизни, другой изъ земли порядковъ земныхъ (XIII, 1. 2, 11). Заблужденія и злоупотребленія папства дѣйствительно вызвали было на западѣ съ одной стороны духъ, повидимому, апостольской ревности объ истинѣ Евангелія, но этотъ энергическій противъ лжепапизма духъ остановился у реформаторовъ (Лютера и друг.) на *пескѣ* произвольныхъ, чуждыхъ практическаго духовнаго совершенства (Матѣ. VII, 26), воззрѣній; и вотъ, изъ волненій общественной жизни и изъ существующаго порядка вещей произошли новыя звѣрообразныя заблужденія и направленія. Первый звѣрь, которому *земли* папства передалъ престоль преобладанія и силу обольщенія въ мірѣ, отличается горделивымъ словомъ богохульнаго невѣрія, — видомъ похожъ на красиваго между звѣрями барса, съ устами или частью властительнаго льва и съ ногами грубо-чувственнаго медвѣдя;—одна изъ нѣсколькихъ головъ этого чудовищнаго звѣря была сначала поражена на смерть мечемъ, но эта смертельная рана исцѣлена, и по всей землѣ пронеслись удивленіе и, съ поклоненіемъ звѣрю, говорю: кто подобенъ звѣрю сему? и кто можетъ сразиться

съ нимъ? Этотъ звѣрь велъ побѣдоносную брань со святыми и достигъ власти надъ всякимъ народомъ и племенемъ (1—8). Преемствовало папству, по обширности и силѣ обольщенія, именно направленіе отступническаго отъ Христа разума, заимствовавшаго отъ папства же духъ своего самоchinія и своеправнаго самовластія,—направленіе, какъ горделивый барсъ, обольстительное, львино-горделивое въ словѣ, потворствующее по-медвѣжьи чувственности въ поступкахъ, богохульное по своему невѣрію. Въ началѣ своего отступничества этотъ разумъ, не сообразующійся и разобщенный со Христомъ Богомъ и потому запечатлѣнный уже не образомъ Божиимъ, а звѣрообразіемъ, признавалъ, по крайней мѣрѣ, авторитетъ слова Божія (только опредѣляя смыслъ его по своему); это и значить, что одно изъ началъ этого отступническаго разума было поражено на смерть духовнымъ мечемъ слова Божія. Но звѣрообразный разумъ не замедлилъ выйти изъ подъ этой убійственной для него зависимости отъ Слова Божія, и тогда истинно поразилъ всю землю своею независимою силою. Казалось, кто можетъ сразиться съ нимъ? И въ самомъ дѣлѣ, чего-чего не колебалъ и не хулилъ этотъ звѣрь? Обольщеніе и духовное преобладаніе его простерлись на весь міръ, такъ что поклонниковъ его можно найти во всѣхъ народахъ. Видимый перевѣсъ и надъ самыми вѣрующими оказался въ его области съ одной стороны потому, что они не успѣвали слѣдить и тѣмъ болѣе отражать разносторонніе его подкобы и злохудожныя козни, а съ другой—потому, что ревность по вѣрѣ вдается у многихъ и сама въ фальшивую односторонность: подавляетъ и стѣняетъ свободу и самый разумъ человѣческой, вмѣсто того, чтобы и ихъ силу устремлять противъ звѣровиднаго ихъ направленія—невѣрія и отступничества. Противъ этой послѣдней крайности Апокалипсисъ прямо остерегаетъ тѣмъ, что посягать на отнятіе духовной свободы у другихъ—значить и самому лишиться ея, что поражать духовнымъ мечемъ слова Божія съ безопасностію (безъ различія между лучшимъ и худшимъ, между силою и ея злоупотребленіемъ) значить обречь и самого себя на смертельное пораженіе: «если кто ведетъ въ плѣнъ, тотъ самъ пойдетъ въ плѣнъ; если кто мечемъ убиваетъ, тому самому надлежитъ погибнуть отъ меча»: а

противъ жестокихъ и хитрыхъ подкоповъ и козней отступническаго разума, Откровеніе также прямо указываетъ мѣсто только для подвига терпѣнія и вѣры, — терпѣнія, безъ сомнѣнія, сообщнаго Христову челоуѣколюбивому терпѣнію, и вѣры, возвышающей надъ іудейскою ревностію не по разуму: *здѣ терпѣніе и вѣра святыхъ* (9. 10).—Тогда какъ звѣрообразное направленіе отступнической рациональности вышло изъ моря, бывъ подготовлено и порождено волненіями и крайностями еще средневѣковой общественной жизни; за этимъ звѣремъ уже изъ земли образующихся подь его вліяніемъ порядковъ вышелъ (11) и другой звѣрь съ рогами подобными агнчимъ, но съ рѣчью дракона. Это пророкъ или провозвѣстникъ перваго звѣря, дѣйствующій властію этого перваго звѣря, дѣлающій всякія знаменія для увлеченія людей къ поклоненію перваго звѣря и къ устроенію его образа, успѣвшій потомъ одушевить этотъ образъ перваго звѣря, такъ что этотъ образъ началъ говорить и дѣйствовать, усиливаясь отнимать самую жизнь у нехотящихъ кланяться первому звѣрю, а на поклонниковъ его налагая на чело—сѣдалище ума или на правую руку—орудіе дѣль, отпечатокъ звѣря и вообще не давая ничего ни продать, ни купить не имѣющимъ на себѣ звѣринаго знака (11—17). Такимъ провозвѣстникомъ разума, отступнически независимаго отъ Христа, явилось именно антихристіанское направленіе цивилизаціи и особенно литературы, дѣйствующее силою и властію отступническаго разума. Этотъ новый звѣрь показываетъ у себя *роги, какъ будто агнчи*—гуманную терпимость и разумную самостоятельность духа, но обнаруживается въ самомъ своемъ словѣ съ *драконовскимъ* деспотизмомъ палства, гнущимъ людей волею-неволею подь свое ярмо. Онъ направилъ въ честь отступническаго разума чудеса всякихъ открытій и изобрѣтеній; онъ успѣлъ развить и одушевить ложную образованность, составляющую живой снимокъ невѣрнаго Христу разума, полагающую отпечатокъ его или въ образѣ мыслей, или въ практическихъ правилахъ поклонниковъ его, а у не хотящихъ преклоняться предъ нимъ отнимающую всякое живое значеніе въ мірѣ и вообще не дающую имъ ничего пустить въ живой ходъ въ цивилизованномъ общежитіи. Впрочемъ съ этими звѣровидными чертами и дѣйствіями антихристіанскаго направленія

цивилизации и науки Апокалипсисъ рѣшительно не дозволяетъ смѣшивать свѣта самой науки и истинныхъ успѣховъ цивилизаціи, обозначая все подобное уже именемъ *мудрости*, находящей для себя мѣсто среди самыхъ проявленій мнимо-раціональнаго антихристіанскаго звѣрства: *здѣ мудрость есть!* И потому Откровеніе внушаетъ намъ крайнюю осторожность въ рѣшительномъ приложеніи вины отступничества къ кому-нибудь, скрывъ самое названіе отступническаго звѣря подъ таинственнымъ числомъ (666) и представляя сосчитать это число съ точностію только тому, *иже иматъ умъ*, конечно, умъ Христовъ или сообщный Христу— *Агнцу Божію, заколенному* за заблуждающихъ грѣшниковъ, въ мысли Божіей еще *отъ сложенія міра* и дѣйствительно знающему всякую черту отступничества съ точностію цифры (18).

Такому преобладанію враждебныхъ христіанству направленій благодать и правда Божія противопоставили, по Апокалипсису, свои особня мѣры. Такъ, прежде всего избранные Божіи не оскудѣли ни по числу, ни по духовному своему совершенству ¹⁾, хотя и представляютъ по своему числу только остатокъ, подобный остатку вѣрующихъ іудеевъ при большинствѣ изъ нихъ невѣрующихъ (слич. VII, 4), и небесная пѣснь ихъ совершенства никѣмъ не перенимается, кромѣ ихъ самихъ (XIV, 1—5). Притомъ, благовѣстіе о Богѣ и о спасеніи не только не умолкало, но, напротивъ, громогласно раздавалось по всей вселенной (6. 7): оправданіемъ этого служить не только такіе проповѣдники въ самомъ западѣ, какъ Боссюэтъ, Массильонъ и друг., но и переводы Библии и распространеніе ихъ всюду чрезъ Библейскія общества. Затѣмъ провозглашается приговоръ о паденіи Вавилона (8), держащаго въ плѣну Божій народъ—новаго Израиля (слич. XVIII, 4) и поддерживаемаго именно *звѣремъ бездны* (см. XVII, 8), подъ образомъ котораго выше (въ XII гл.) указано нами, по самымъ уже событіямъ, именно магометанство. По этимъ чертамъ удобно узнать въ образѣ Вавилона державшую въ плѣну православный Востокъ—ма-

¹⁾ Такъ напримѣръ, наша отечественная православная церковь имѣетъ уже изъ этого поздняго времени прославленныхъ святыхъ: Дмитрія Ростовскаго, Митрофана Воронежскаго и Тихона Задонскаго.

гометанскую державу, паденіе которой дѣйствительно рѣшилось было въ прошломъ вѣкѣ (въ такъ называемомъ *Греческомъ прозѣтѣ*, но не совершалось, въ точное соотвѣтствіе Апокалипсису, провозгласившему въ настоящемъ мѣстѣ паденіе Вавилона, но совершеніе этого паденія изображающему еще ниже (въ XVIII гл.) ¹⁾). Далѣе предъявляется цѣлый адъ губительнаго зла въ наказаніе отступниковъ, поклонниковъ звѣробразнаго невѣрнаго Христу разума, при терпѣннн тутъ же и вѣрующнхъ (9 — 12): такой адъ и открылся по исторіи въ революціонномъ террорѣ цѣлой націи французской, отрехшейся отъ Христа и убивавшей хрнстіанъ, какъ преступниковъ. Наконецъ послѣ предварительнаго увѣренія въ блаженствѣ и успокоеніи умирающихъ въ Господѣ отъ дальнѣйшихъ *отселъ* губительствъ (13) представляются двѣ губительныя на нечестивцевъ жатвы. Первая изъ нихъ послѣдовала по распоряженію сидящаго на облакѣ и носящаго вѣнецъ, подобнаго сыну человѣческому (14—16): въ этой жатвѣ удобно узнать тѣ воинскіе союзы и войны, которыя воздвигнуты были противъ революціонныхъ движеній царственнымъ духомъ вѣнценосныхъ помазанниковъ. Вторая жатва совершилась по распоряженію Ангела, имѣющаго власть надъ огнемъ истребительныхъ явленій и силъ, и отъ этой жатвы *кровь лилась* даже *до уздъ конскихъ* на огромное пространство (17—20). Въ этой кровавой жатвѣ удобно узнать ужасы и кровопролитія Наполеоновскихъ войнъ, открывшихъ кровавую дорогу отъ Парижа до Москвы и обратно отъ Москвы до Парижа.

Таковъ періодъ проявленія и чрезвычайнаго усиленія въ хрнстіанскомъ мнрѣ отступнической раціональности и противопоставляемыхъ тому особенныхъ распоряженій Божественнаго Промышленія о церкви и о спасеніи людей!

Въ шестыхъ, между тѣмъ, какъ, вслѣдствіе выше изображенныхъ судовъ Божнхъ, открылось мирное въ мнрѣ торжество (въ эпоху реставраціи царствъ и народовъ на нача-

¹⁾ Такъ-то близко къ своему сердцу (скажемъ по-человѣческому образу представленія) беретъ Господь судьбы Своей церкви, Ему вѣрной; самое еще только предначинательное или предположительное движеніе событій къ освобожденію православнаго востока Онъ рѣзко отмѣчаетъ въ Своемъ Откровеніи. Это для вѣры въ ея озлобленіяхъ чрезвычайно ободрительно.

лахъ христіанскихъ), провозглашаемое такою пѣснью удовлетворенной строгой правды и милующей благодати: «дивны дѣла Твои, Господи... Кто не убится Тебя?.. Открылись суды Твои»; любовь Божія и послѣ этого не находитъ для себя успокоенія въ людяхъ и обращается въ ярость противъ продолжающихъ невѣріе и отступленіе отъ Христа; проявляя при томъ свою славу въ особенномъ обиліи (XV). И вотъ, подъ распоряженіемъ небесныхъ служителей этой ярости Божіей, на *землѣ* общественныхъ распорядковъ люди становятся до отвратительности болѣзненными и брѣдливыми (XVI, 1. 2). *Море* жизни общественной теряетъ всякую жизненность, становясь, какъ бы кровію мертвеца (3). *Вода* всего служащаго къ освѣженію, ободренію и очищенію духа общественнаго (какъ то, наприм., литература), проникается или растлѣніемъ страстей и похотей плотскихъ; или беспощадно для челоуѣка жестокостію, становясь чрезъ то и другое кровавою—въ наказаніе людей направленія (духовно-языческаго или духовно-іудейскаго) кровавадно-враждебнаго святымъ (4—7). *Солнце* просвѣщенія разливаешь вліяніе зноя иссушающаго и томящаго, а не свѣта живительнаго (8—9). Да и все *царство* невѣрующаго Христу разума становится *мрачнымъ* (10), то отъ дикихъ практическихъ и политическихъ стремленій поклонниковъ этого звѣря, то отъ умозрительнаго ихъ сознанія, что они не владѣютъ строгою или дѣйствительною истиною, а достигаютъ только мнимой въ своей современности истины. Во всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ ярости Божіей видны бѣдствія и страданія именно нашего времени, тѣмъ болѣе плачевныя, что они не исправляютъ, а только ожесточаютъ заблуждающихъ, какъ и это указано прямо въ Апокалипсисѣ (11, слич. 9). Последовало и еще нѣкоторое таинственное распоряженіе ярости Божіей, устраняющее съ одной стороны непроходимыя, подобно Евфрату, препятствія къ открытію въ свое время царственнаго величія и славы царей отъ востока солнечныхъ¹⁾, а съ другой—дающее царямъ, или началамъ, движимымъ отъ змѣиной лжи папства, отъ звѣрообразнаго разума и служа-

¹⁾ То есть, началъ царственнаго священства, этого новаго Израиля (православно-восточнаго христіанства), какъ даетъ повясть это именно третія книга Ездры (XIII гл.).

щей ему лжепророкомъ антихристіанской цивилизаціи, свободу собираться на Боговраждебную, по ихъ намѣренію. брань, но въ дѣйствительности только для пораженія ихъ отъ Бога Вседержителя (ст. 12—16). Это сокровенное теперь распоряженіе объяснится вполнѣ не иначе, какъ въ будущихъ своихъ послѣдствіяхъ и плодахъ ¹⁾. Наконецъ, отъ изліянія ярости Божіей на *воздухъ* общественнаго духа и настроенія *сдѣлалось* (скажемъ прямо словами Апокалипсиса) *великое землетрясеніе, какого не было съ тѣхъ поръ, какъ люди на землѣ.—Такое землетрясеніе! Такъ великое!* (17. 18). Въ этой язвѣ или казни ясно видны безпримѣрныя въ исторіи потрясенія, колеблющія до основанія современныя политическія міръ. *И Вавилонъ великій воспомянутъ предъ Богомъ, чтобы дать ему чашу вина ярости гнѣва Его* (19),— тотъ Вавилонъ, который, какъ выше объяснено, держится *вышедшимъ изъ бездны звѣремъ* магометанства и держитъ въ плѣну новаго Израиля. Въ этомъ также очевидно указаніе на возставшій въ наше время, такъ называемый, восточный вопросъ о судьбѣ извѣстной магометанской державы, держащей въ плѣну православный востокъ. Само собою, впрочемъ, разумѣется, что Откровеніе поставляетъ на

¹⁾ Существенное, повидимому, непреодолимое затрудненіе къ раскрытію духовно-царственнаго значенія православія и къ низложенію противоположныхъ началъ состоитъ въ закоренѣлости послѣднихъ по многовѣковому ихъ развитію и въ эгоистической жесткости духа не только ихъ поборниковъ, но и многихъ ревнителей самаго православія. Указаніе въ настоящемъ мѣстѣ Апокалипсиса (ст. 16) на *Армагеддонъ* выясняетъ, какъ означенное затрудненіе чудно устраняется Господомъ. На этомъ *Армагеддонѣ*, по Апокалипсису, должны въ великій день Вседержителя собираться *цари* или вообще вожди лживыхъ вѣковыхъ направленій (16 слч. 13 и 14), значеніе этого можетъ быть объяснено изъ слѣдующихъ словъ пѣсни Деворы: „пришли цари, сразились... у водъ *Магеддонскихъ*, но не получили ничего“ (Суд. V, 19). Здѣсь воспѣвается побѣда Божія народа надъ враждебными царями, совершенная падъ руководствомъ женщины самой Деворы пророчицы и рѣшенная окончательно также женщиною—Іаилью, убившею главнаго вождя враговъ. Видно, и нынѣ къ умягченію жесткаго духа многихъ, столько необходимому для побѣды истины надъ разными началами и направленіями лжи, призывается послужить женщина, сообразующаяся, конечно, не съ праматерью грѣха—Евою, а съ Матерію нашего спасенія—человѣколюбивою заступницею грѣшныхъ. Пресвятою Богородицею, въ слѣдъ который приводятся къ Царю-Христу (Пс. XLIV) и другія непорочныя души.

открытый видъ это вавилонское преобладаніе надъ новымъ Израилемъ, не просто съ внѣшне-политической стороны, а въ его духѣ, духѣ жестокаго стѣсненія и всяческаго оскорбленія святой вѣры. Этотъ духъ магометанъ, общій со многими въ мірѣ христіанскомъ и особенно съ идолопоклонниками односторонней и мнимой разумности: въ этомъ отношеніи самый взятый не въ односторонностяхъ, а въ прямомъ и полномъ своемъ достоинствѣ, *умъ, имѣющій мудрость*, находится въ плѣннической средѣ Вавилонской, какъ это прямо указано въ Апокалипсисѣ (XVII, 9): *здѣ умъ, уже имать мудрость*, сказано среди исчисленія принадлежностей вавилонскихъ. Тѣмъ и заканчивается та часть Апокалипсиса, къ выясненію которой служатъ совершившіяся уже и совершающіяся событія. Въ дальнѣйшемъ теченіи Апокалипсиса видны и понятны только общія утѣшенія и предостереженія для насъ. Именно, во-первыхъ, видно, что дѣло Божіе въ судьбахъ церкви и міра идетъ къ низложенію многовѣковыхъ жестокихъ преобладаній надъ вѣрою—и магометанскаго Вавилона (XVII. XVIII), и звѣрообразнаго отступническаго разума, съ такимъ же направленіемъ цивилизаціи (XIX), и драконовскаго духа папизма (XX, 1—3), такъ что за тѣмъ послѣдуетъ въ мірѣ такъ называемое *первое воскресеніе* всего прежде убитаго духовнымъ звѣрствомъ (5. 6). Но при этомъ внушается новому Израилю выходить изъ Вавилона (безъ сомнѣнія, по силѣ Новаго Завѣта, выходить изъ растлѣннаго духа вавилонскаго); *чтобы не участвовать въ его грѣхахъ и не подвергнуться его язвѣмъ*, но, по возможности, премѣнять и вавилонскихъ дѣтей въ сіонскихъ (XVIII, 4); а побѣдить такимъ образомъ все вавилонское можно только съ Агнцемъ, съ духомъ Его челоувѣколюбія, на Себя вземлющаго грѣхи міра (XVII, 14). Во вторыхъ, изъ продолженія Апокалипсиса открывается и то, что Господь, назначивъ еще при самомъ обращеніи славяно-русскихъ племенъ въ православіе—проявить въ нихъ Свою благодать—*пастн языки жезломъ желѣзнымъ* (XII, 5), далѣе является во всей силѣ и полномъ дѣйствиіи этого упасенія, низлагая въ конецъ звѣрообразное отступническое направленіе разума и слова или вообще цивилизаціи,—Самъ, однако, *облеченный въ багренную кровію одежду* (XIX, 11. 12). Вотъ оно — благодатное призваніе и міровая задача

наша—послужить очищенію мысли и знаній, литературы и всей цивилизаціи христіанскаго міра отъ страшно лживаго направленія и духа—отступничества отъ Христа, отъ Его истины и духа. И Господь исполнить Свою благу волю о насъ, православныхъ славяно-русскихъ, разумѣтся, впрочемъ,—не иначе, какъ подъ условіемъ соотвѣтствія Ему и съ нашей стороны. А для этого мы должны, очевидно, со всею вѣрностію и энергіею и во всѣхъ областяхъ знанія и жизни держаться Его самого, входить въ просвѣтительный для всѣхъ и всеосвѣщающій свѣтъ Его слова, содержа у себя въ неприкосновенности, безъ ограниченій и стѣненій, благодать твердой и грозной для всего враждебнаго Власти—этотъ царственный Христовъ желѣзный жезлъ, но при этомъ одушевляясь непременно духомъ той любви Господа къ заблуждающемуся міру, по которой Онъ пролилъ кровь Свою за міръ и именно чрезъ это и въ этомъ же человѣколюбивомъ духѣ совершилъ безграничную державу Своей благодати, сокрушающую все враждебное, какъ *сосуды скудельници*. Въ третьихъ, въ заключеніе видѣній, Тайнозритель видѣлъ послѣ окончательнаго нападенія на церковь несмѣтныхъ силъ Гога и Магога, въ чемъ удобно узнать послѣднее или антихристово обольщеніе и преобладаніе въ мірѣ, видѣлъ уже Іерусалимъ славы, сходящій съ новаго неба на новую землю (XXI и XXII). Это раскроется во всей силѣ еще въ будущей жизни. Но чтобы въ насъ было чему раскрываться, надо намъ еще теперь предусвоить себѣ этотъ Іерусалимъ и притомъ въ самомъ направленіи и духѣ нисхожденія этой *небѣстны-жены Агнчей* (XXI, 9) съ неба на землю: надо намъ въ настоящей жизни проводить Христовъ духъ, благодать и истину во все наше земное, къ очищенію всего отъ зла и лжи.

Объяснять ли теперь, какъ свѣтъ обозрѣннаго нами Откровенія побуждаетъ насъ въ нашей современности и къ печали по Богу, сообразной «Плачу Іереміи», и къ радости о Господѣ, изліянной въ «Пѣсни пѣсней»? Это ясно само собою. Поставимъ на видъ только слѣдующее:

Вотъ мы едва только, можно сказать, коснулись содержания Апокалипсиса, какъ раскрываютъ его уже самыя событія. Но и то уже имѣемъ полное право сказать всѣмъ неправомыслящимъ о Христовой Церкви и вообще объ истинѣ

эти слова велегласнаго Исаи: «*да узрятъ и уразумѣютъ, и помыслятъ, и увѣдятъ екупъ, яко рука Господня сотвори сія вся, и Святыи Израилевъ показа... Да приблизатся и возвѣстятъ вамъ (съ еврейскаго «намъ»), яже сбудутся, или яже прежде быша, рцѣте; и приставимъ умъ и уразумѣемъ, что послѣдняя и будущая; рцѣте намъ, возвѣстите намъ грядущая напоследокъ и увѣмы яко бози есте...* Кто предсказалъ это въ началѣ, чтобы мы знали, и прежде, чтобы мы сказали: правда? Никто не предсказалъ, никто не возвѣстилъ, никто не слышалъ словъ вашихъ. Я (говорить Господь) первый сказалъ Сиону: вотъ, вотъ оно» (Ис. XLI, 20—27). Въдъ Откровеніе и исторія оказываются точно только какъ бы разноязычными изложеніями одного и того же предмета: такъ Откровеніе предназначало исторію, и эта послѣдняя оправдала первое! Одна только ослѣпляемая предразсудками и эгоизмомъ мысль, да еще развѣ сожженная совѣсть могутъ допускать или соглашаться съ допускающими, что якобы произволомъ или натяжками изъясненія можно такъ многосторонне и глубоко, такъ наглядно и вмѣстѣ внутренне сблизить и объединить неподкупную исторію и непреложное Откровеніе. Одна нелюбовь къ истинѣ, одно пренебрежительное невниманіе къ труду во имя истины и правды Православія, предлагаемому здѣсь, да еще развѣ упорная въ тупости глупость могутъ быть не рады разъясненію великой тайны Откровенія и исторіи...

Но главное въ Откровеніи судебъ міра и церкви, которыхъ столько уже совершилось донныѣ, состоитъ вотъ въ чемъ: эти судьбы обоснованы существенно на подъявшемъ на Себя и тѣмъ преобладавшемъ мірское зло Агнцѣ Божіемъ—Христѣ, Которому поэтому и далъ Отецъ не только Самому въ Своемъ принятомъ за насъ человѣчествѣ—*разгнати книгу* судебъ, послѣдовательно раскрывающихъ силу побѣды Его надъ зломъ; но и *показати намъ, имже подобаетъ быти вскорѣ* (Апок. I, 1, V, 5 и сл.), съ подтвержденіемъ не оставлять этого Откровенія подъ печатію необъяснимой тайны (XXII, 10).

Введеніе въ изслѣдованія Апокалипсиса святаго Іоанна Богослова.

I.

Доказательства происхожденія Апокалипсиса отъ св. Апостола Іоанна Богослова.

Апокалипсисъ отъ самаго времени своего происхожденія былъ извѣстенъ и употребляемъ въ Христовой Церкви, какъ Божественное руководство для вѣры, начертанное Св. Духомъ чрезъ святаго Апостола и Евангелиста Іоанна Богослова.

Слѣды употребленія этой св. книги находимъ у современниковъ Апостола, или такъ называемыхъ апостольскихъ мужей. Такъ въ книгѣ Ермы, извѣстной подъ именемъ «Пастыръ», встрѣчаются нѣкоторые образы и выраженія, заимствованныя изъ Апокалипсиса ¹⁾.

Между свидѣтелями о подлинности апостольскаго происхожденія Апокалипсиса, Андрей Кесарійскій или Критскій (Prolegom. in. Apoc.) поставляетъ еще Папія, бывшаго ученикомъ св. Іоанна Богослова: «О Богодуховенности этой книги, говоритъ Андрей въ предисловіи къ своему толкованію на Апокалипсисъ, излишне намъ распространяться, когда засвидѣтельствовали достовѣрность ея блаженные мужи: Григорій Богословъ, Кирилль и еще древнѣйшіе ихъ: Папіѳ. Принеѳ» и пр.

¹⁾ Таковы, напримѣръ, представленія Церкви подъ образомъ украшенной дѣвы (Vis. 4, 2. Сл. Апок. XIX 7—8, XXI, 2) и будущихъ враговъ церкви подъ образомъ звѣря (Vis. 4, 2. Сл. Апок. XIII и др.) и пр. Выраженіе «написать въ книгу жизни», нѣсколько разъ употребленное въ Апокалипсисѣ (III, 5. XIII, 8. XVII, 8. XX, 15), встрѣчается и въ книгѣ „Пастыръ“ (Vis. I. 3).

Свидѣтельства объ Апокалипсисѣ непосредственно слѣдующихъ за апостольскими мужами отцевъ и учителей Церкви особенно ясны и тверды.

Св. Іустинъ мученикъ въ своемъ разговорѣ съ Трифономъ іудеяниномъ такъ говоритъ объ Апокалипсисѣ: «Нѣкоторый у насъ мужъ, именемъ Іоаннъ, одинъ изъ Апостоловъ Христовыхъ ¹⁾, въ бывшемъ ему откровеніи (апокалипсисѣ) предрекъ, что увѣровавшіе нашему Христу проведутъ тысячу лѣтъ въ Іерусалимѣ, и потомъ послѣдуетъ общее... воскресеніе и судъ». Столь ясное свидѣтельство св. Іустина объ Апокалипсисѣ тѣмъ важнѣе, что онъ жилъ немного спустя по смерти Іоанна и былъ отчасти современникомъ учениковъ этого Апостола—Поликарпа и Папія; притомъ же онъ свой «Разговоръ съ Трифономъ» писалъ (какъ полагаютъ) въ Ефесѣ, гдѣ такъ долго жилъ св. Апостоль Іоаннъ, и гдѣ потому преданіе о немъ и его писаніяхъ были особенно живы и точны.

Мелитонъ, также отчасти современный Папію и притомъ епископъ одной изъ тѣхъ церквей, которымъ въ Апокалипсисѣ даны особыя наставленія и предреченія, именно епископъ Сардійскій (см. Апок. III, 1), написалъ даже цѣлое сочиненіе объ Апокалипсисѣ. Въ этомъ увѣряютъ Евсевій и Іеронимъ—оба извѣстные по своей добросовѣстной и разборчивой учености; хотя самое сочиненіе Мелитоново не сохранилось до насъ. Евсевій (Ист. Церк.) говоритъ: «Мелитоновы книги двѣ «О пасхѣ», еще книги «О діаволѣ» и «Объ Апокалипсисѣ Іоанна» и пр.». (Свидѣт. Іеронима, см. De vir. illustr. с. 24).

Св. Иринеѣ, ученикъ Поликарпа, ученика Іоанна Богослова, ясно и во многихъ мѣстахъ говоритъ объ Апокалипсисѣ, какъ подлинномъ писаніи Ап. Іоанна. Таковы мѣста у этого св. Отца: «Іоаннъ, ученикъ Господень, созерцая священное и славное пришествіе Царствія, говоритъ: *обратихся видѣти гласъ, иже глаголаше со мною, и обратився видѣхъ седмь свѣтильниковъ* и пр. (Апок. I, 12—16) ²⁾. Еще: «яснѣе о послѣднемъ времени и о десяти въ это время царяхъ, которые раздѣлятъ нынѣшнее царство (quod nunc regnat impe-

¹⁾ По лат. переводу: „одинъ изъ двѣнадцати Апостоловъ Христовыхъ“.

²⁾ Наег. I. 4, с. 20. § 11.

gium), открылъ Іоаннь, ученикъ Господень, въ Апокалипсисѣ, когда, объясняя десять роговъ, видѣнныхъ Даніиломъ, говорить, что ему было такъ сказано: «десять роговъ, яже видѣлъ еси, десять царей суть» и пр. (Апок. XVII, 12—14) ¹⁾. Изъ этихъ мѣстъ видно, что Св. Иринея былъ совершенно убѣжденъ въ подлинности Апокалипсиса. Есть у него мѣсто еще болѣе важное и замѣчательное,—мѣсто, которое и Евсевій приводитъ въ своей Церковной исторіи: «Въ пятой книгѣ Иринея,—пишетъ этотъ историкъ,—такъ разсуждаетъ объ Апокалипсисѣ Іоанна и о числѣ имени антихриста: во всѣхъ точныхъ и древнихъ спискахъ стоитъ это самое число (666); въ этомъ увѣряютъ и тѣ, которые видѣли Іоанна» и пр. ²⁾. Въ этихъ словахъ св. Отца не только выражается твердое убѣжденіе его въ подлинности Апокалипсиса, но указывается основаніе такого убѣжденія—свидѣтельство очевидцевъ Іоанна и точные древніе списки Апокалипсиса; а эти древніе списки, по отношенію ко времени Иринея, могли быть не иные, какъ сохранившіеся отъ времени самого Іоанна. Ибо тутъ же говоритъ самъ Иринея ³⁾: «Откровеніе видѣно было недавно, почти въ нашъ вѣкъ» и пр.

И въ цѣлыхъ церквахъ въ концѣ второго вѣка пользовались уже Апокалипсисомъ, какъ подлинною и несомнѣнною священною книгою. Такъ, въ посланіи церковей Вьенской и Ліонской не только встрѣчаются выраженія, заимствованныя изъ Апокалипсиса, какъ, напр.: «Онъ былъ истинный Христовъ ученикъ, послѣдующій Агнцу, *а може еще поведетъ* (Ап. 14, 4. Евсев. Ист. Церк. 5, 1), но и приводятся мѣста изъ Апокалипсиса съ прямымъ означеніемъ, что эти мѣста взяты изъ Св. Писанія, напр.: «Да сбудется писаніе: беззаконный пусть еще беззаконуетъ, и праведный да творить правду еще» (Евсев. Ibid. Апок. XXII, 11).

О Теофилѣ, Антиохійскомъ епископѣ II вѣка, извѣстно изъ «Исторіи» Евсевія, что онъ пользовался руководствомъ Апокалипсиса. Есть еще,—пишетъ историкъ,—книга Теофила.

¹⁾ Наег. L. 5. с. 26. § 1.

²⁾ См. Истор. Церк. V. 8. сл. Irin. adv. Наег. 5, 30.

³⁾ См. Истор. Церк. V, 8. сл. Irin. adv. Наег. 5, 30.

написанная противъ Гермогена, въ которой онъ пользовался свидѣтельствомъ изъ Апокалипсиса Іоаннова¹⁾.

Климентъ Александрійскій говоритъ: «Истинный пресвитеръ (*старецъ*), хотя бы здѣсь, на землѣ, и не былъ почтенъ первосѣденіемъ, сядетъ нѣкогда съ другими вмѣстѣ на двадцати четырехъ престолахъ и будетъ судить міръ, какъ говоритъ Іоаннъ въ Апокалипсисѣ»²⁾. Что здѣсь разумѣлъ Климентъ собственно Апостола Іоанна, видно изъ слѣдующаго мѣста, гдѣ слова Апокалипсиса Климентъ относитъ къ апостольскому гласу: «Мы пріяли, что горній Іерусалимъ будетъ устроенъ изъ святыхъ камней: высокая благодать *апостольскаго гласа* возвѣщаетъ также о двѣнадцати вратахъ небснаго града, украшенныхъ драгоцѣнностями»³⁾; а о двѣнадцати вратахъ небснаго града изъ драгоцѣнныхъ камней говорится именно въ Апокалипсисѣ (XXI, 21). Тертуллианъ, жившій въ послѣдней половинѣ II вѣка и немного въ III вѣкѣ, свидѣтельствуемъ: «Апостоль Іоаннъ въ Апокалипсисѣ представляетъ исходящій изъ усть Божіихъ мечъ обоюдоострый» и пр.⁴⁾ Въ другомъ мѣстѣ Тертуллианъ замѣчаетъ: «Хотя Маркіонъ и опровергалъ Апокалипсисъ его (Іоанна), но рядъ епископовъ, идущій отъ начала (*ad originem recensens*), станеть за Іоанна, какъ за писателя Апокалипсиса (*in Ioannem stabit autorem*)»⁵⁾.

Объ Аполлоніи, пресвитерѣ Ефесскомъ, жившемъ въ концѣ II и въ началѣ III вѣка, Евсевій пишетъ: «Онъ заимствуетъ свидѣтельства изъ Апокалипсиса Іоаннова»⁶⁾. Свидѣтельство этого пресвитера ефесскаго важно особенно потому, что Ефесская Церковь была одна изъ тѣхъ семи Церквей, которымъ первоначально врученъ былъ Апокалипсисъ; извѣстно также, что въ Ефесѣ долго жилъ Апостоль Іоаннъ.

1) Евсев. Ист. Церк. 4, 24. То же должно сказать объ Аеннагорѣ, аеннакомъ философѣ, который заимствуетъ изъ Апокалипсиса такую мысль и самое выраженіе: „и земля отдастъ нѣкогда мертвецевъ своихъ“ (*Legat. pro Christ. p. 39. Апок. XX, 13*).

2) *Strom. lib. 6. pag. 667. Апок. IV, 4 XI, 16.*

3) *Strom. lib. 11. Апок. XXI, 21.*

4) *Contr. Marcion 3, 14.*

5) *Ibid. 4, 5.*

6) Евсев. Ист. Церк. V, 18.

Доселѣ свидѣтельства отцевъ и учителей, еще заставшихъ II вѣкѣ христіанства.

Въ III вѣкѣ Оригенъ такъ говоритъ о Евангелистѣ Іоаннѣ: «Написалъ и Апокалипсисъ, получивъ повелѣніе умолчать и не писать о гласахъ седми громовъ» 1). И въ другомъ мѣстѣ: «Іоаннъ еще (т.-е. кромѣ Евангелія) вострубилъ черезъ посланія и Апокалипсисъ» 2). Приводя отдѣльное мѣсто изъ Апокалипсиса, Оригенъ выражается такъ: «Въ Апокалипсисѣ Іоаннъ, сынъ Заведеевъ, говоритъ: *и видѣхъ Ангела, парящаго посреди небеси, и мущаго Евангеліе въчное благовѣстити живущимъ на земли*» и пр. 3). Оригенъ называетъ Іоанна не только Апостоломъ и Евангелистомъ, но и Пророкамъ за Апокалипсисъ.

Святый Ипполитъ епископъ, жившій въ первой половинѣ III вѣка, писалъ цѣлое сочиненіе объ Апокалипсисѣ. «Онъ написалъ,—говоритъ объ Ипполитѣ Іеронимъ,—нѣкоторые комментаріи на Писанія; изъ нихъ я нашелъ слѣдующіе: на Шестодневъ, на Апокалипсисъ» 4) и пр. До насъ не дошло это истолковательное сочиненіе св. Отца объ Апокалипсисѣ; но есть древнее свидѣтельство 5), что оно направлено было именно въ защищеніе Апокалипсиса отъ какихъ то недоразумѣній и сомнѣній. «Святый мученикъ епископъ Ипполитъ сочинилъ книгу о судѣ... и апологію Апокалипсиса и Евангелія Апостола и Евангелиста Іоанна». Это сочиненіе означено и на мраморной статуѣ Св. Ипполита, найденной въ 1551 году, подъ такимъ названіемъ: «Въ защиту Іоаннова Евангелія и Апокалипсиса» 6). Есть у этого св. Отца свидѣтельство объ Апокалипсисѣ и въ другихъ его сочиненіяхъ и именно въ книгѣ о Христѣ и антихристѣ: «Онъ (Іоаннъ), будучи на островѣ Патмосѣ, видитъ откровеніе страшныхъ тайнъ, которыя онъ беззавистно повѣдаетъ и другимъ въ наученіе. Скажи мнѣ, блаженный Іоаннъ, апо-

1) Евсев. Ист. Церк. VI. 25. Апок. X, 4.

2) In lib. Iosu Nav. hom. 8.

3) Coment. in Ioan. Op. Orig. tom. IV. p. 17. Сл. Апок. XIV, 6. 7.

4) Hier. De vir. illustr. c. 61.

5) Ebed Jesu. Catal. Fibr. Ebed Iesu. Catal. libr. Syr. c. 8. Sanctus Hippolitus martyr episcopus composuit librum de dispensatione... et apologiam pro Apocalypsi et Evangelio Ioannis Apostoli et Evangelistae.

6) См. Can. Paschal. opp. Hippol. p. 38.

столь и ученикъ Господень, что ты видѣлъ и слышалъ о Вавилонѣ? Воспрями и скажи: ибо этотъ Вавилонъ и тебя отвелъ въ заточеніе. *И прииде единъ отъ седми Ангель, и мушцахъ седмъ фіалъ* и пр. (Апок. XVII, 1 и сл.).

Святѣйшій Кипріанъ Карфагенскій приводитъ изъ Апокалипсиса разныя мѣста, какъ изъ несомнѣннаго слова Божія. «Слушай въ Апокалипсисѣ, говоритъ Кипріанъ, гласъ Господа твоего: ...*Глаголеши: богатъ есмь и обогатихся и ничто же требую, и не вѣси, яко ты еси окаянень, и бѣденъ, и нищъ, и слѣпъ, и нагъ* и пр. (Апок. III, 17. 18)» ¹⁾. Въ другомъ мѣстѣ св. Отецъ называетъ Апокалипсисъ прямо св. Писаніемъ. «Священное Писаніе въ Апокалипсисѣ показываетъ, что воды означаютъ народы: *воды, яже видѣлъ еси, и дѣже любодѣйца сидитъ, людѣ и народи суть, и племена, и языцы* (Апок. XVII, 15)» ²⁾. Св. Кипріанъ называетъ по имени и самого писателя Апокалипсиса: «Въ Апокалипсисѣ Ангель не позволилъ Іоанну кланяться себѣ, говоря: *виждь, да не твориши: ибо клеветъ ти есмь и братій твоихъ: Господу Іисусу поклонися* (Апок. XIX, 10)» ³⁾.

Викторинъ, епископъ Петавійскій, жившій въ концѣ III вѣка, писалъ, по свидѣтельству Іеронима, толкованіе на Апокалипсисъ Іоанна ⁴⁾: «Творенія его суть слѣдующія: толкованіе на книгу Бытія, на Апокалипсисъ Іоанна и многія другія». Но это сочиненіе не дошло до насъ. Замѣчательно одно изъ частныхъ мѣстъ у этого учителя Церкви: «безъ сомнѣнія, есть 12 Ангеловъ дня и 12 Ангеловъ ночи, по числу часовъ: сіи-то 24 свидѣтеля дней и ночей и суть тѣ старцы, которые сидятъ предъ престоломъ Божиимъ съ золотыми вѣнцами на главахъ своихъ. Они называются въ Апокалипсисѣ Іоанна, Апостола и Евангелиста, Старцами потому, что они суть старѣйшіе и другихъ Ангеловъ, и челоуѣковъ» ⁵⁾. Писатель Апокалипсиса здѣсь прямо названъ Іоанномъ, Апостоломъ и Евангелистомъ.

Около того же времени жившій Меѳодій, епископъ Тирскій

¹⁾ Сурр. De Eleemos.

²⁾ Сурр. Epist. 63.

³⁾ Сурр. De bon. patient.

⁴⁾ Hieronim. Catal. vir. illustr. c. 74.

⁵⁾ De fabrica mundi (Cave, Hist. litt. t. 1. p. 149).

или Патарскій (умеръ 311 г.), говорить: «Что Слово, ставши плотію, есть глава дѣвствующихъ, подобно, какъ Онъ есть глава пастырей и глава пророковъ, это представляетъ намъ въ книгѣ Апокалипсиса вдохновенный отъ Христа Іоаннь, говоря: *И видѣхъ, и се, Агнецъ стояше на горѣ Сионстѣй... сіи суть, иже съ женами не осквернишася: зане дѣвственницы суть: сіи послѣдуютъ Агнцу, а може аще поидетъ* (Апок. XIV, 1—14)» ¹⁾. Онъ также писалъ толкованіе на Апокалипсисъ, изъ котораго извлеченія мы находимъ у Андрея Кесарійскаго (въ Толкованіи на Апокалипсисъ).

Пресвитеръ Памфилъ, жившій также въ концѣ III вѣка и нѣсколько въ началѣ IV, вѣка (умеръ въ 309 г.), приводитъ мѣсто изъ Апокалипсиса, какъ изъ подлинной священной книги: «Іоаннь въ откровеніи своемъ (въ Апокалипсисѣ своемъ) пишетъ: *и даде море мертвецы своя, и смерть, и адъ даша своя мертвецы* (Апок. XX, 13)» ²⁾.

Послѣ столькихъ древнѣйшихъ свидѣтельствъ, изъ которыхъ инья показываютъ происхожденіе Апокалипсиса отъ писателя священнаго и богодухновеннаго, другія прямо отъ Апостола и Евангелиста Іоанна, считаемъ излишнимъ приводить свидѣтельства IV и позднѣйшихъ вѣковъ. Довольно сказать, что святые отцы; Аѳанасій Великій, Василій Великій, Ефремъ Сиринъ, Елифаній и пр., и блаженные учителя: Августинъ, Иеронимъ, также отцы Собора Каррагенскаго признавали Апокалипсисъ несомнѣнно-подлинною Священною книгою. Притомъ нелишне напомнить, что каталогъ Аѳанасія былъ утвержденъ впоследствии шестымъ Вселенскимъ Соборомъ. Въ особенности же надо поставить на видъ, что св. отцы и учителя церковные и въ самую глубокую древность, когда, къ выясненію откровенія о судьбахъ христіанства, исторія такъ мало еще представляла событій, не признавали ни гордою, ни неисполнимою мыслью объ истолкованіи Апокалипсиса, напротивъ, считали своею обязанностію трудиться надъ тѣмъ, чтобы и эта св. книга, какъ и другія въ Св. Писаніи, была руководствомъ вѣры, по возможности доступнымъ для общаго пониманія и употребленія. Выше показано, что уже во II и III вѣкѣ писали изслѣдованіе объ Апокалипсисѣ, именно Мелитонъ Сардій-

¹⁾ Method. Conviv. p. 70.

²⁾ Apolog. pro Orig. Opera Orig. t. IV.

скій, св. Ипполитъ, Викторинъ, св. Мееодій. Толкованіе на Апокалипсисъ св. Андрея Критскаго (въ VII вѣкѣ) извѣстно и въ славянскомъ переводѣ.

Тѣмъ не менѣе въ христіанской древности были нѣкоторыя и разногласія о достоинствѣ и подлинности Апокалипсиса; но изъ разсмотрѣнія этихъ разногласій увидимъ, что ими ни мало не ослабляется истина происхожденія этой книги отъ св. Апостола Іоанна Богослова.

Пререканія противъ Апокалипсиса началъ еретикъ Маркіонъ. Онъ, по словамъ Тертулліана ¹⁾, отвергалъ Апокалипсисъ; но самъ же Тертулліанъ и отражаетъ ложь еретика такимъ свидѣтельствомъ: «Хотя Маркіонъ и отвергалъ Апокалипсисъ, но рядъ епископовъ, восходящій къ самому началу, признаетъ Іоанна писателемъ онаго». И притомъ Маркіоновъ составъ новозавѣтныхъ книгъ, кромѣ извращеннаго Евангелія Луки и тоже испорченныхъ десяти Павловыхъ посланій, не имѣетъ еще ничего.

Далѣе, еретики же, называемые *алогі*, не признававшіе Христа Словомъ, отвергали подлинность всѣхъ Іоанновыхъ писаній, какъ свидѣтельствуемъ о семъ св. Епифаній ²⁾. Но это потому, что въ писаніяхъ Іоанна содержится обличеніе и опроверженіе ихъ еретической лжи. «Они стыдятся, говорить св. Епифаній, противорѣчить св. Іоанну, зная, что онъ былъ въ числѣ учениковъ и любимъ Господомъ и проч.; и усиливаются инымъ образомъ подорвать его писанія: ибо говорятъ, что они принадлежатъ не Іоанну, но Керинеу, и недостойны быть принятыми въ Церкви». Если столь открытая ложь возстаетъ противъ истины, то чрезъ это самое истина не только ничего не терпитъ, но даже явнѣе оказывается именно истинною.

Затѣмъ кажется неблагопріятнымъ достоинству Апокалипсиса слѣдующій отзывъ Каія, римскаго пресвитера II вѣка о Керинѣѣ. Керинѣѣ въ откровеніяхъ, какъ бы написанныхъ великимъ Апостоломъ, баснословитъ намъ о диковинахъ, будто бы показанныхъ ему Ангелами, и потомъ присовокупляетъ, что послѣ воскресенія настанетъ земное Царство Христово, что люди тогда опять будутъ жить тѣлесно (со

¹⁾ Tertull. contr Marcion. 4 5.

²⁾ Haer. 51 c. 3.

Христомъ) во Іерусалимѣ, служа страстямъ и удовольствіямъ, и что тысяча лѣтъ пройдетъ въ брачныхъ празднованіяхъ (говоритъ врагъ Божественныхъ писаній съ намѣреніемъ обольстить слушателей) ¹⁾. Но здѣсь—рѣчь о подложныхъ откровеніяхъ или лже-Апокалипсисѣ собственно Керинеа, который только выдавалъ вымыслы свои за писаніе «великаго Апостола». Въ Апокалипсисѣ же святаго Апостола Іоанна Богослова хотя упоминается о тысячелѣтнемъ Царствѣ Христовомъ, но о тѣлесномъ жителствѣ въ земномъ Іерусалимѣ, о чувственныхъ и страстныхъ удовольствіяхъ, о брачныхъ пиршествахъ впродолженіе тысячи лѣтъ—нѣтъ ни слова, ни намека. Слѣдовательно, Каіи имѣлъ въ виду не Апокалипсисъ Іоанна, а какъ выше сказано, собственно Керинеовы лжеоткровенія, выдаваемые еретикомъ за апостольскія. Блаженный Теодоритъ свидѣтельствуетъ ²⁾, что еретикъ Керинеоу дѣйствительно составлялъ свой апокалипсисъ, а для прикрытія своего подлога поддѣлывался къ каноническому Апокалипсису и внесъ изъ послѣдняго въ свое произведеніе нѣкоторыя черты, какъ-то: мысль о тысячелѣтнемъ царствованіи Христовомъ ³⁾. Есть и другія доказательства на то, что пресвитеръ Каіи не думалъ приписывать Керинеоу каноническаго Апокалипсиса. Евсевій, Іеронимъ и также читавшій всѣ сочиненія Каіи Фотій говорятъ прямо о Каіѣ, что онъ не принималъ только посланія къ Евреямъ, а объ Апокалипсисѣ умалчиваютъ. Притомъ извѣстно, что церковь римская, къ которой принадлежитъ Каіи, никогда не сомнѣвалась въ подлинности и достоинствѣ Апокалипсиса ⁴⁾. Наконецъ, въ «Каталогѣ св. книгъ», при-

¹⁾ Евсев. Ист. Церк. III, 28.

²⁾ Fabb. Haer. II, 3.

³⁾ Unterkircher въ своемъ „Введеніи“ замѣчаетъ: nunc constat inter eruditos locum hunc (sc. Caji rite intellectum auctoritatem nostrae Apocalypsis confirmare potius, quam infringere; nam verba Caji, duae Eusebius refert loquuntur de Apocalypsibus Cerinthianis, quas tanquam ab Apost. magno scriptas nobis ostendere conaretur et quibus in hunc finem similitudinem quandam cum Apocalypsi canonica dedisset.

⁴⁾ Іеронимъ Epist. 129 ad Dard. выставляетъ на видъ то различіе между греками и латинянами, что у первыхъ встрѣчалось сомнѣніе касательно Апокалипсиса, а у послѣднихъ—касательно посланія къ Евреямъ: quodsi eam (scilicet epistolam ad Hebraeos) Latinorum consuetudo non reci-

писываемомъ именно Каію, пресвитеру римскому (въ отрывкѣ, изданномъ Мураторіемъ), числится съ другими священными книгами и Апокалипсисъ святаго Апостола Іоанна Богослова. «*Apocalypsis etiam Ioannis*». Итакъ, несправедливо обвинять Каія въ томъ, будто бы онъ приписывалъ канонической Апокалипсисъ Керинеу.

Не благопріятствуетъ, повидимому, достоинству Апокалипсиса умолчаніе о немъ въ нѣкоторыхъ древнихъ каталогахъ св. книгъ, какъ то: въ Апостольскихъ Правилахъ, у св. Кирилла Іерусалимскаго, Григорія Богослова, въ правилахъ Лаодійскаго собора. Но въ Апостольскихъ Правилахъ умолчаніе объ Апокалипсисѣ могло произойти отъ той простой причины, что во время собранія этихъ правилъ, Апокалипсисъ еще не успѣлъ придти во всеобщую извѣстность и употребленіе въ Церкви. Умолчаніе объ этой книгѣ въ каталогѣ св. Григорія Богослова, Кирилла и правилахъ Лаодійскаго собора могло произойти отъ той причины, что Апокалипсисъ не былъ употребляемъ при богослуженіи. Впрочемъ Григорій Богословъ въ своихъ твореніяхъ пользуется Апокалипсисомъ на ряду съ прочими новозавѣтными книгами ¹⁾. Посему Андрей Кесарійскій или Критскій въ приведенномъ выше мѣстѣ о свидѣтельствахъ касательно Апокалипсиса говорить, что «достоувѣрность этой книги засвидѣтельствовали св. Григорій Богословъ и пр.». Не говоримъ уже о томъ, что умолчаніе объ Апокалипсисѣ нѣкоторыхъ достаточно вознаграждается многочисленными и громкими свидѣтельствами другихъ объ этой книгѣ, какія выше указаны нами.

Правда, въ IV, вѣкѣ отвергали Апокалипсисъ нѣкоторые на Востокѣ, какъ и посланіе къ Евреямъ, нѣкоторые — на Западѣ. Объ этомъ свидѣтельствуесть блаж. Іеронимъ ²⁾; о разногласіи касательно Апокалипсиса упоминаеть и св. Амфилохій (въ кан. посланіи о св. книгахъ). «Но мы, — замѣчаетъ блаж. Іеронимъ противъ нѣкоторыхъ современниковъ,

pit inter scripturas canonicas, nec Graecorum quidem Ecclesiae Apocalypsin Ioannis eadem libertate suscipiunt.

¹⁾ Такъ онъ приводитъ слова Апок. 1, 8 для утверженія догмата Св. Троицы. Слово о Богѣ 3. Твор. Св. Отд. ч. III, стр. 7.

²⁾ *Epist. ad Dardanum*. Слова приведены въ одномъ изъ предъидущихъ примѣчаній.